

САД КАМНЕЙ

Дома, дворы, бетонные панели,
кирпич и мрамор, гравий и щебёнка.
Огромный мрачный город

превратился
в угрюмый молчаливый сад камней.

Пустые заводские корпуса
заполнили серое пространство.

По улицам запущенной промзоны
уныло бродит пасмурный сентябрь.

А люди превращаются в обрубки,
скитающиеся по трубам улиц, –

обрубки памяти, обрубки мысли
бегут с работы, на работу, в бар.

Кубы, кубы, кирпичные коробки,
растущие упрямо друг над другом
в узорном многоярусном инферно,
в пространстве, состоящем из углов.

Труба давно не выпускает дыма,
но дым спускается на город сверху,
и в дыме бродят призраки рабочих,
брезентовыми крыльями шурша.

* * *

Так вот она, моя дорога в рай:
маршрутка-дом-работа-крематорий,
откуда испарюсь я невзначай,
спрямив круги астральных траекторий.

Я в небеса взойду, сложив мотив
о нищете, о чести и о жести,
на собственной хребтине изучив
всю инфернальность городских предместий.

Пиит, придурок, лишний человек,
храбрейшая из всех дрожащих тварей,
здесь встретил я обильный честью век,
обласканный опалой государей.

И мне от грозных и смешных царей
в удел достались – вопреки заветам –
жёлчь фонарей и слякоть пустырей,
где так привольно дышится поэтам.

Я здесь торчу, шепчу и грязь топчу,
блистательною праздностью увенчан,
брюзжу, брожу кругами и ворчу
на спесь друзей и недоступность женщин.

Дорога в рай ведёт сквозь грязь и слизь,
и ей брести хоть глупо, но не стыдно,
ведь путь по кругу – он выводит ввысь,
хотя кому-то это и не видно.

Пустыри

1

Я уже давно живу по средствам,
Словно в пьесе, без мечты, на дне.
Но одно воспоминанье детства
Тлеет, обжигая память, мне:

Серый, весь заросший сорняками,
Мертвенный окраинный пустырь –
Он от спячки, длившейся веками,
Пробуждает, словно нашатырь.

...Воздух весь покрыт гусиной кожей.
Грязный дождик шепчется с травой.
Деревянный дом с разбитой рожей
Кашляет вдали, едва живой.

Вечереет, и ползут туманы.
С высоты стекает синий мрак.
Ночь таит заштопанные раны.
Тишина шершава, как наждак.

Свалка жизни – ни конца, ни края...
Тих метафизический пустырь.
Просто Вечность здесь простёрлась злая
В полстраны, во всю земную ширь.

Вечность грязи, нищеты и пьянства...
Дзинь-бутылок острые куски...
По слепому серому пространству
Тусклые блуждают огоньки.

Я живу, расту, ползу всё выше,
Но пустырь во мне скрипит: «Всё ложь.
Помни, помни, из чего ты вышел.
Помни, кто ты и куда придёшь».

И как только, злой, упрямый, стойкий,
Вытерпев и смех, и тумачи,
Я приду домой, нырну на койку
И сожму ладонями виски, –

Снова между мной и небесами
Розовый туман стеной встаёт,
В нём пустырь всплывает пред глазами
И отраду тайную даёт.

В вечереющем сумраке строгом
 начинают чадить фонари.
 Пролегли между нами и Богом
 пустыри, пустыри, пустыри.

Как пустые глаза невидимки,
 то близки, то опять далеки,
 пролетают в кружащейся дымке
 огоньки, огоньки, огоньки.

Безнадёжно, туманно и сладко
 в эту серую дымку смотреть,
 и вдыхать синий запах упадка,
 и скучать, и незримо стареть.

...Эта наших скорбей быстротечность,
 эта мудрость библейских пустынь,
 эта пепельно-пыльная вечность,
 лопухи, лебеда и полынь;

Это траурно-жёлтое с серым,
 словно горький подавленный крик,
 эта боль, без причины, без меры, –
 это может понять лишь старик.

Листья в лужах спокойно-застылы,
 баки с мусором строятся в ряд,
 и осколками битых бутылок
 в небе вечные звёзды горят.

Только шум городской замерзает,
 только серенький дождь моросит,
 смутный рокот к ушам подступает,
 пробуждает, зовёт и грозит.

И сквозь сумерки – к сердцу всё ближе –
 шепчет совести строгая жизнь:
 не уйди, не забудь, не прости же,
 стой, смотри, не страшись, но молись.

Упрямый неприветливый бурьян
 Заполонил угрюмое пространство.
 От стен заброшенного комбината
 До неба – только серость, пыль и стынь.

Бутылочные острые осколки.
Оторванная ножка старой куклы.
Грязь, серый ветер, шприцы и окурки.
Осмысленная тщетность бытия.

В глазах рябит от серости и скуки.
Едва вздохнёшь – вдыхаешь разложение.
Сухая пыль от пыли прошлых жизней
Роится в напряжённой пустоте.

Стой! – Так пустырь живёт, живёт и дышит,
Захватывает время и пространство,
Растёт и мыслит, любит и тоскует
В пустой мечте наполнить мир собой.

Шесть миллиардов лет земля дышала,
Производила плоть и душу живу,
Чтоб завершиться славой и позором
Промышленных прекрасных пустырей.

Бурьян лопочет что-то по-китайски,
Шприцы пересекаются, как шпаги,
Осколки смотрят в небо, ищут солнце,
И солнце тщетно прячется от них.

Момент истины

Серый ветер. Поздний час.
Желтизна угрюмых стен.
Сухость близоруких глаз.
Синева припухших вен.

Это странно – невпопад,
под конец большого дня
явственно увидеть ад,
окружающий меня,

спешку, пляску на костях,
ловлю денег и людей,
сладострастный пошлый страх,
фальшь и ложь больших идей,

слёзы, сопли, боль и грязь,
чью-то жизнь в своей горсти,
и вздохнуть, не горячася,
и плечами повести.

Вспомнить всё и всё понять,
посмотреть на плоский свод,

и вздохнуть, и замолчать,
и без слов шагнуть вперёд.

Посредине пустоты
торжествуй, живи, умри,
но о том, как умер ты,
никому не говори.

Только кашель в злой кулак,
только сдержанный смешок.
Пусть танцует серый страх,
в нас живущий юркий бог.

Тише, тише, тишина, –
ты не тот, не та вина,
эта вечная война
не для нас одних страшна.

Нет ни истин, ни красот,
есть лишь трезвый, горький взгляд, –
и последний шаг вперёд,
в коем ты не виноват.